

Module 4 Video Class 4 - Interview with Luis Felipe Lopez-Calva.mp4 (Russian)

[00:00:00] Здравствуйте. Добро пожаловать в серию наших видеointервью, которая уже подходит к концу, на курсе «Журналистика в пандемии: Освещение COVID-19 сейчас и в будущем». Сейчас мы говорим о мире, начиная с этого момента. И один из наиболее важных связанных с этим вопросов заключается в том, как будут выглядеть социально-экономические последствия COVID-19. Чтобы изучить его, мы поговорим с Луисом Фелипе Лопесом-Кальвой, региональным директором Программы развития ООН и помощником Генерального секретаря ООН. Директор Лопес-Кальва, большое спасибо за то, что присоединились к этому курсу.

[00:00:41] Спасибо за приглашение.

[00:00:45] Итак, первое, что я хотела бы спросить: вы не могли бы рассказать нам, каковы основные социально-экономические последствия COVID-19, которые наблюдаются или зафиксированы к этому моменту?

[00:01:01] Хорошо. Я думаю, они различны в разных регионах. Во-первых, как мы знаем, попытки контроля над пандемией — из-за неопределённости, из-за масштабов и расположения основных очагов заражения — во многих случаях ведут к полному локдауну. Конечно, в латиноамериканском регионе, в Европе, во многих регионах меры изоляции были очень строгими, как сказал экономист и лауреат премии Нобеля Пол Кругман, «это как улучшение состояния экономики в искусственной коме». В некотором смысле вся жизнь останавливается, чтобы люди могли оставаться дома, и можно было бы определить, где «горячие точки», и пытаться контролировать пандемию.

[00:01:47] Таким образом, центром внимания становится чрезвычайная ситуация в области здравоохранения, а экономика практически останавливается. Вы спросили, как это влияет на людей. Ну, конечно, экономика сокращается, хотя эффект зависит от групп населения... Но во многих случаях сокращение расходов потребителей и компаний приводит к проблемам с ликвидностью у бизнеса, который больше не может платить зарплату и в конце концов вынужден увольнять людей. Здесь вред уже наносится самой «ткани» экономики, её внутренней структуре.

[00:02:32] Люди теряют работу, перестают получать заработную плату, у некоторых из них есть сбережения, чтобы это пережить, но у многих их нет. Появляются большие группы населения, которые очень сильно пострадали от этой ситуации, конечно, в основном в странах со средним и низким уровнем дохода, где, например, может не быть страхования на случай безработицы или где есть лишь очень ограниченные механизмы защиты этих людей. Правительства отреагировали на это мерами по компенсации выпадающих доходов, но даже с такой реакцией главное прямое последствие пандемии связано с монетарной бедностью, невозможностью купить даже минимум необходимого.

[00:03:12] В Латинской Америке, если взять национальные показатели черты бедности, около 30 миллионов человек, согласно прогнозам, вновь окажутся в нищете после периода сокращения уровня бедности в последние 15 лет. Если посмотреть на совсем низкие уровни, на то, что Всемирный банк называет «крайней бедностью», где уровень дохода не превышает 1,9 доллара в день на человека — это экстремальная монетарная бедность — то в странах Африки к югу от Сахары

около 24 миллионов человек окажутся в такой степени крайней нищеты. Так что сейчас я бы назвал это главным прямым последствием пандемии.

[00:03:55] Затем, конечно, нужно посмотреть на образование. Системы образования также парализованы; во многих случаях можно использовать онлайн-технологии, как мы сейчас, но во многих странах целые группы населения не имеют доступа к таким образовательным механизмам. Это следующее важное последствие, сильный удар по возможности людей, то есть детей, подростков продолжать обучение в школе. Конечно, впоследствии система может восстановиться, хотя обойдётся это недёшево. Но по многим прогнозам это приведёт к волне неоконченного образования: дети и подростки лишаются мотивации, и они могут бросить школу. Мы до сих пор точно не знаем, но я думаю, вторым по важности последствием пандемии для обществ будет удар по образованию, по человеческому капиталу. И, конечно, в конце концов, когда начнутся банкротства, фирмы не будут иметь возможность выплачивать свои кредиты и так далее, это потенциально сильно ударит по финансовому сектору.

[00:05:08] Итак, это лишь три аспекта, вероятно, из многих, но три очень важных аспекта, в которых пандемия действительно становится очень сильным ударом по экономике и отдельным людям.

[00:05:17] Я благодарна вам, что вы вдаётесь в такие детали. Большое спасибо. Когда вы смотрите на все эти последствия, которые вы только что описали, видите ли вы разницу в том, как какие-то из них проявляются, сильнее или слабее, в разных регионах планеты? Есть ли регионы, где сильнее пострадал именно малый бизнес, или финансовые потоки, или, возможно, торговля?

[00:05:44] По прогнозам Всемирного банка, с точки зрения роста уровня нищеты, безусловно, пострадала Африка. Я бы сказал, что определённые экономические последствия, как мы видим, есть в Европе — конечно, они связаны в первую очередь не с бедностью, потому что там есть механизмы защиты людей, например, пособие по безработице. Но я хотел бы кое-что сказать о странах со средним уровнем дохода. Регион, где я работаю, в Латинской Америке и Карибском бассейне, — это в основном страны со средним уровнем дохода. Это также регион, который пока не смог построить крепкий средний класс. Мы не должны связывать попадание страны в эту группу средних по доходам и наличие в ней сильного среднего класса. В странах со средним уровнем дохода большие группы населения оказываются уязвимы для экономических последствий из-за распространённости неформальной занятости, из-за того, что многие люди зависят от возможности ежедневно выходить на работу и получать от неё некоторый доход. Кроме того, например, страны со средним уровнем дохода не имеют права на льготное финансирование. В некотором смысле все ответные меры Международного валютного фонда и Всемирного банка по снижению долговой нагрузки стран в основном направлены на страны с низким уровнем дохода и менее развитые страны и не распространяются на страны со средним уровнем дохода. Последние внедряют все эти меры реагирования на те последствия, о которых я упоминал ранее, — пытаюсь защитить людей, дать им деньги, защитить бизнес, предоставляя кредитные линии и ликвидность — всё это истощает их бюджетные ресурсы в условиях, когда у них нет возможности получить помощь в виде доступа к финансированию. Таким образом, по нашим прогнозам, бюджетно-налоговые последствия для этой большой группы стран со средним уровнем дохода будут достаточно серьёзными, потому что у них в таких условиях явно будут заканчиваться ресурсы и возможности реагирования.

[00:08:10] Итак, я бы сказал, что с точки зрения макроэкономической ситуации сильно пострадают страны со средним уровнем дохода, особенно если этот кризис продлится долго. И в краткосрочной перспективе это затронет регионы с большим уровнем неформальной занятости и ограниченными возможностями экономических мер, как, например, в Африке к югу от Сахары, где вырастет уровень бедности.

[00:08:30] Меня заинтересовали ваши слова о том, в какой степени национальная экономика может состоять, по существу, из людей с неформальной занятостью, и какая доля ВВП страны может на неё приходиться, и как из этого следует, что неформально занятые никоим образом не учитываются какой-либо государственной системой, с помощью которой можно было бы попытаться реализовать хотя бы разовые меры социальной защиты. Есть ли в этом ещё какие-то сложности? Не знаю, говорили ли вам, но на курсе представлены более чем 160 стран, на данный момент это почти 10 тысяч слушателей, и многие из них, конечно, живут там, где неформальные доходы, неформальная структура доходов играет очень важную роль.

[00:09:30] Конечно. Я думаю, что одной из структурных особенностей экономик, которая будет очень сильно коррелировать с масштабом последствий этого кризиса, будет большой размер неформального сектора. Что это значит? Возьмём Латинскую Америку, с которой мы начали, самый низкий уровень неформальной занятости будет, скажем, в Уругвае, где неформально работают 25-30% занятых. Но в других странах он может достигать 60 или 70 процентов занятого населения. Эти люди работают в очень небольших фирмах с очень низким уровнем производительности, которые не зарегистрированы, как вы говорите — это означает, что работники не имеют доступа к базовым медицинским услугам, социальной защите, пенсиям и всему этому. Это во-первых.

[00:10:23] Во-вторых, эти незарегистрированные фирмы в большинстве случаев не платят налоги и не вносят свой вклад в бюджет государства. Это делает государства с большим неформальным сектором финансово более слабыми, их возможности реагирования ограничены. Есть ещё и самозанятые люди, внештатные работники, фрилансеры — от сантехников и строителей до самозанятых «белых воротничков», которые часто тоже никак не зарегистрированы для государства, и у них тоже нет способов защитить себя от шока, кроме личных сбережений, которые на самом деле имеют немногие, особенно среди людей с более низким уровнем доходов.

[00:11:11] Таким образом, уровень неформальности труда очень важен. Но в этом контексте я бы хотел подчеркнуть, что среди неформальных работников непропорционально больше женщин. В основном из-за отсутствия государственных и общественных учреждений по уходу и из-за отсутствия поддержки «экономики заботы» многие женщины не имеют возможности работать полный рабочий день или «вбелую». То есть женщин в этой неформальной сфере нестабильных рабочих мест больше, и в этом смысле они сами весьма уязвимая группа с точки зрения экономических последствий этого кризиса.

[00:11:55] Я очень благодарна вам за этот гендерный анализ проблемы, большое спасибо. Крайне важно не забывать, глядя в будущее на следующие несколько лет, что бремя этого кризиса неравномерно ложится не только на страны и на людей с разным типом занятости, но и на людей внутри семей и сообществ. Я хотела бы спросить, можете ли вы сейчас что-то сказать о балансе рисков? С одной стороны,

«охлаждение» экономик ведёт к экономическому ущербу, но с другой, это кажется необходимым для того, чтобы не допустить распространения болезни. Как можно постепенно снова запускать экономику, сопоставляя риски болезни с необходимостью экономической активности?

[00:12:44] Общество активно обсуждает вопрос о необходимости выбора между жизнями людей и возможностями на жизнь заработать. Идея в том, что вы можете защитить только что-то одно, и я думаю, масштабы этого вынужденного выбора зависят от возможностей экономик и обществ сделать следующие вещи. Первое — это масштабное тестирование. Очень важно иметь эту информацию и более прицельно идентифицировать «горячие точки» и не «закрывать» всю экономику. Тестирование на систематической основе позволит ограничивать экономическую активность только там, где это необходимо. И, конечно же, это касается и возможностей систем здравоохранения как таковых, когда эти возможности не так ограничены, есть гораздо больше пространства для манёвра для борьбы с этой пандемией.

[00:13:46] Второй элемент — это фискальные возможности правительств, как я уже упоминал ранее, то, насколько они способны поддерживать бизнес и население через бюджетно-налоговые механизмы для того, чтобы справиться с кризисом, решив медицинскую проблему, а затем снова «открыть» экономику. Но здесь важно ещё, как вы сказали, перезапускаться с умом, определив стандарты безопасности и обеспечив их соблюдение.

[00:14:15] Как выбрать, какие сектора экономики открывать? Я недавно встречался с правительством одной страны в Латинской Америке, и в канцелярии президента, в отделе по стратегическим вопросам, была очень сложная панель индикаторов, где с одной стороны были сектора, обеспечивающие больше занятости и большую добавленную стоимость для экономики, а с другой их уровни риска с точки зрения распространения болезни. Это правительство начинает очень осторожно «открывать» экономику по секторам, начиная с тех, которые сыграют большую роль в восстановлении экономики при относительно низком риске для здравоохранения.

[00:14:48] И они пытаются понять, какие стандарты безопасности потребуются для перезапуска экономики. Например, строительство, инфраструктура — там в открытом пространстве относительно легко установить стандарты и контролировать поведение людей на строительной площадке, поэтому, возможно, этот сектор можно открывать со всеми этими предосторожностями. В секторе развлечений же, в кинотеатрах, торговых центрах, всё сложнее, потому что это потенциальные зоны массового заражения, которые могут поднять новую волну эпидемии, так что с ними нужно быть осторожнее.

[00:15:37] Поэтому очень важно смотреть, какие сектора экономики с каким регулированием можно перезапустить, чтобы попытаться восстановить экономическую активность, не спровоцировав новую волну заболевания. Для этого правительствам нужны ресурсы и компетенции, и здесь мы как Программа развития ООН пытаемся поддерживать правительства и помогать им вместе с другими международными организациями и нашими коллегами, которые могут поделиться опытом.

[00:16:13] Например, мы недавно заключили очень хорошее недавнее соглашение с компанией Grandata, которая использует анонимизированные данные с мобильных

устройств, например, с телефонов, чтобы идентифицировать скопления людей и определять уровень мобильности в разных районах города. На основе этого типа данных мы можем попытаться рекомендовать властям районы, где ограничения на передвижение будут более эффективными, а где их можно ослабить. Технологии — один из наших инструментов сбора данных для принятия решений об ограничении мобильности. Или возьмём производство знаний. Допустим, есть какой-то пробел в информации и знаниях — мы можем очень быстро подготовить политические рекомендации, чтобы попытаться дать правительствам стран информацию и советы о том, как проанализировать этот кризис и отреагировать на него.

[00:17:14] Таким образом, государства сильно нуждаются в информации и компетенциях, в финансовых ресурсах, в дополнительном потенциале в области внедрения этих мер. Устранение этих дефицитов позволит вновь «открыть» экономику с более низкими уровнями рисков.

[00:17:32] Мы говорили о том, как страны с низким и средним уровнем дохода находятся в невыгодном положении из-за структуры занятости и из-за относительной нехватки финансовых ресурсов. Но мне интересно, есть ли, на ваш взгляд, какие-то аспекты, с точки зрения которых эти страны могут находиться и в более благоприятном положении в этом кризисе. Например, мы уже обсуждали, что там, где всё ещё встречается туберкулёз, все знают, как организовать и вести отслеживание контактов, этот навык не исчез из культуры, как в США, например. Есть страны, которые могут иметь рычаги экономического давления, потому что в них физически размещены площадки фармацевтического производства или производства тестов, даже если эти объекты принадлежат богатым странам. Есть ли что-то ещё в этом духе?

[00:18:17] Вообще, я бы сказал, что некоторые преимущества можно найти даже в пределах одной страны: например, можно предположить, и это действительно так во многих конкретных случаях, что сельскохозяйственный сектор менее подвержен воздействию кризиса, и, возможно, сельская экономика может продолжать работать, потому что она не так зависит от высокого уровня урбанизации и агломераций. То есть сельскохозяйственный сектор, например, может быть более защищён, и, возможно, его можно перезапустить быстрее. И можно сказать, что экономики с большей долей сельскохозяйственного сектора, а это, как правило, страны с относительно низким уровнем дохода, кризис затронул в меньшей степени, и на самом деле это объективный критерий.

[00:19:06] Но я думаю, что в целом в сухом остатке бедные страны в этом кризисе не выигрывают, особенно потому что бедность накладывается на другие ограничения, о которых я говорил ранее: на нехватку ресурсов и компетенций у правительства, нехватку финансовых средств. То есть в конечном итоге низкий уровень благосостояния в этом кризисе, несмотря на некоторые позитивные особенности вроде тех, что вы упомянули, — это не преимущество. И этим странам понадобится большая поддержка.

[00:19:41] Это верно и внутри страны, где более уязвимым группам населения с более низкими доходами понадобится действительно серьёзная поддержка со стороны правительств. Иначе этот кризис лишь усилит уже существующее неравенство. Мы упомянули все эти пандемические потрясения для различных групп населения, но надо признать, что и до кризиса здесь было много структурных проблем. Этот кризис лишь усугубляет эти структурные проблемы, он не

первопричина — этот шок накладывается на ранее существовавшие структурное неравенство, низкий уровень производительности и слабое финансовое положение государств. Всё это только усугубляется, и, например, в образовании неравенство очевидно: у бедных людей более низкий уровень доступа к этому типу технологий и, соответственно, к непрерывному образованию. Так что в некоторых случаях приходится использовать вообще любые технологии, если можно так сказать, телевидение или даже радио, чтобы попытаться наладить непрерывное образование для определённых групп, которые не имеют доступа к другим типам связи. То есть требуются в том числе и такие решения, даже несмотря на то, что они кажутся приветом из прошлого. Сейчас появляются попытки преодолеть это неравенство и уменьшить последствия кризиса. Но сам кризис неизбежно приведёт к его обострению, и я думаю, что в рамках борьбы с ним нам нужно попытаться добиться такого восстановления, при котором вместо более глубокого неравенства возникла бы более инклюзивная новая норма. Но простых решений тут нет.

[00:21:37] Позвольте мне задать последний вопрос: когда страны неизбежно начнут открываться, потому что экономику просто невозможно так долго держать на паузе, на какие индикаторы вы будете обращать внимание, чтобы убедиться, что социальные и экономические соображения оказываются должным образом сбалансированы?

[00:21:56] Во-первых, как я уже упоминал ранее, можно смотреть на то, у каких секторов, как мы говорим, более высокий экономический мультипликатор, то есть они могут стать драйверами быстрого восстановления экономики, и сопоставлять это с необходимостью контролировать эпидемию, уровень риска. Это будет очень важно. Можно тщательно, по объективным индикаторам выбрать сектора, которые могут стать двигателями восстановления при относительно низком уровне риска... Я уже упомянул инфраструктуру, строительство, например, или, может быть, некоторые части сельского хозяйства. Выбрав эти сектора, можно попытаться вновь открыть те из них, которые могут способствовать восстановлению без несоразмерного увеличения риска, а затем внимательно следить за ситуацией.

[00:22:43] Конечно, в то же время мы пытаемся создать механизмы обеспечения безопасности. В Колумбии, должен сказать, ПРООН поддержала проект по созданию специальных масок для разных секторов экономики, которые люди могли бы использовать, чтобы снизить риск заражения. Эти маски сейчас производятся более массово, и это может быть положительным моментом. Есть меры, которые могут сделать возвращение к работе более безопасным на то время, пока мы ищем медицинское решение для этой медицинской проблемы. И в конце концов, мы надеемся, такое медицинское решение будет найдено, но пока определённо нужно взвешивать, я бы сказал, два этих фактора: экономическое влияние секторов с более высоким мультипликатором и необходимость контроля уровня риска.

[00:23:43] И, конечно, нельзя забыть и нельзя позволить себе перестать проактивно защищать уязвимые группы населения. Я уже говорил о женщинах в неформальном секторе, об уязвимых группах, где люди сталкиваются с ограниченными возможностями получить доход и не имеют доступа к пособиям по безработице или постоянной зарплате — их нужно удерживать от скатывания в более глубокий уровень бедности... Таким образом, нужно продолжать очень чётко обеспечивать направленную поддержку этих групп населения. Иногда речь идёт о не бедных людях, которые в обычной ситуации не имели бы права на участие в таких программах — но их тоже нужно удерживать от попадания в нищету, поэтому нужно их

поддержать. И я бы также настаивал на поддержке бизнеса, который нужно защитить от банкротства, разрушающего экономическую базу для восстановления в будущем. Ведь чем больше предприятий обанкротится, чем больше исчезнет рабочих мест, тем труднее будет вернуться в нормальное состояние экономики и тем больше времени это потребует. То есть нужно защищать и занятость.

[00:25:01] Всё это требует, опять же, финансирования. И это означает, что международное сообщество может сыграть очень важную роль в поддержке особенно бедных стран, что позволит избежать самых тяжёлых последствий. В любом случае, мы уже понимаем, что этот период, безусловно, можно расценивать как самые экономически трудные времена за столетие.

[00:25:30] Столько пищи для размышлений, столько нитей, которые нужно увязать между собой. Директор Лопес-Кальва, мы очень благодарны вам за то, что вы пришли на наш курс и поделились своей мудростью. От имени всех наших слушателей со всего мира, большое спасибо.

[00:25:42] Спасибо за предоставленную возможность.